

В цветочном магазине на углу Трехпрудного переулочка, что в пяти минутах ходьбы от Пушкинской площади, я купил свежую зелено-изумрудную хризантему. Всего одну, цветы нынче тоже не дешево. Но суть не в деньгах - пусть и одним цветком я хотел выразить свои запоздалые чувства актрисе, в которую лет двадцать тому назад был греховно влюблен. Правда, был я в своих чувствах неоригинален: после фильмов "Покровские ворота" и "Блондинка за углом" в ТАТЬЯНУ ДОГИЛЕВУ были влюблены миллионы советских мужчин. И я трепетал от предстоящего свидания с волшебной женщиной, не веря, что оно состоится. Только поднявшись в квартиру и увидев впервые так близко свою героиню, я понял: мы одни и она - моя. Наконец-то я отмучаю ее за все.

- Татьяна, я слышал, что ваша молодость прошла бурно, насыщенно. Расскажите, как вы жили двадцать лет назад, какой вам виделась тогда Москва, с кем дружили, как веселились. Был ли у вас свой бродвей, которым для поколения актера Козакова, писателя Арканова, саксофониста Козлова была улица Горького?

- Москву я начала узнавать, когда стала студенткой ГИТИСа. Родилась я в Текстильщиках, это сейчас они считаются нормальным районом, а тогда это была настоящая окраина и мой дом стоял на грани городской черты. Дальше начинались колхозные поля. Выбирались мы из нашего захолустья на нескольких автобусах, в центр езжали редко, и я мало понимала, что такое Москва. Архитектуру, колорит, красоту Москвы я начала постигать студенткой. Правда, последние школьные годы жила уже на Пресне, но все равно это тоже рабочие районы, а не те, по которым возили экскурсантов. Когда я познакомилась с центром, то навсегда влюбилась в старину, в знаменитые улицы, дома, памятники. И во мне зародилась мечта - жить в центре Москвы. И вот, как вы видите, я ее осуществила.

- Да, вы правы, Трехпрудный переулок - это самое сердце столицы. Древней, патриархальной, цветастой. Вы ведь знаете, что на этой короткой улице жила с родителями Марина Ивановна? Правда, ее родовой дом не сохранился. Но, извините, я вас перебил... Вы так взволнованно говорите о Москве.

- Помню, что я совершенно спокойно ночью ходила по городу, чаще, конечно, с провожающим меня молодым человеком, но все равно мне было неспокойно не страшно. От института до дома мы шли, не замечая ничего вокруг. Нет, не только за любовными разговорами. Мы говорили про театр, про искусство, про дела в институте, про любимых актеров. И ничего не боялись. Если было немного денег, я поднимала руку, и за один рубль меня довозили до общежития. Я помню, когда я снималась в "Покровских воротах", после съемок мы друг друга провожали домой и, счастливые, шли обратно. Все было так весело, компанейски. Мы пили, курили, баловались, и все, как бы сказали в те времена, на здоровой моральной основе, от избытка чувств. Наш образ жизни, прогулки и посиделки был не модой, а жизнью. Тогда ведь не существовало ночных клубов и трудно было попасть в ресторан, но мы гордились своим избранничеством - мы, молодые артисты, имели право на вход в ресторан модного тогда ВТО или Дома кино. Скажу честно, для меня это было совершенно невероятно, и я пользовалась свалившейся на меня возможностью на полную катушку, почти каждый вечер. За три рубля брали бутылку шампанского и пачку сигарет "Стюардесса" и обсуждали мировые проблемы, которые сводились, конечно же, к нашему театру, к нашей учебе. Было весело, славно, мы верили в чудо искусства, мы гордились, сознавая, что занимаемся самым главным делом на свете. Я была счастлива, я чувствовала свою избранность, но не в каком-то исключительном апломбе, не в том, что мне предназначена особая миссия на Земле, я просто гордилась, что принадлежу к актерскому племени. Ведь рядом за соседним столом сидели тогдашние мэтры, любимцы публики - Ширвиндт, Даль, Гурченко и другие, бывшие для меня небожителями. О Боже, я могла сидеть с ними рядом! Да, моя молодость окрашена голубыми и розовыми красками... Безусловно, эти цвета преобладали. Конечно, волнения, депрессии были тоже в нас и с нами, но все же, пусть это нынче звучит высокопарно, мы ощущали движение вперед.

- Татьяна, вы прямо в ударе. Жаль, что нас никто больше не слышит. Отличная здравница и Москва, и молодость, и искусство! А кто все-таки был первой знаменитостью, которую вы увидели живьем?

- Пожалуй, моя первая преподавательница, народная артистка Евгения Николаевна Козырева. Она играла тогда в Театре имени Маяковского, и я бежала на ее спектакли. А потом к нам, студентам, пришел на встречу Андрей Миронов, а потом Михаил Козаков, знакомство с которым и стало началом моей киношной карьеры.

- О, это было нечто феерическое! "Покровские ворота" и "Блондинка за углом" стали культовыми лентами мужчин и юношей той эпохи именно благодаря вашему в них участию. Я тоже, естественно, был в вас влюблен, в разбитную, открытую, стержневую, с низкой хрипотцой в голосе героиню, которая могла все

Думать о прошлом - сойдешь с ума

и вся. Кстати, я недавно вычитал, что хрипотца вовсе не врожденный дефект голосовых связок, как я наивно думал, а следствие только одного - раннего курения. Неужели вашим решительно узнаваемым голосом вы обязаны курению? Куда же глядели папа с мамой?

- Да, курить я начала очень рано, начитавшись всяких книжек про то, что в жизни надо пройти через все. И через курение, и через выпивание. А теперь, хоть и поздно уже, борюсь с этим недостатком с переменным, правда, успехом.

- Голос Высоцкого вас не раздражает?

- Нет, я люблю ярких, запоминающихся артистов.

- Ну а все-таки, вы не ответили, куда глядели папа с мамой?

- Что там говорить, одна у них была мечта, чтобы я поступила в институт. Люди они были простые, и им неважно в какой, лишь бы я училась. Далекие от театра, они слабо представляли себе, что это такое. Поэтому, когда я объявила, что стала студенткой театрального, они ничуть не испугались и потом лишь иногда робко спрашивали, получается у меня что-то или нет. Впервые они увидели меня на дипломном спектакле в ГИТИСе. Папа (он недавно, к сожалению, умер) так хохотал, совершенно искренне, и не надо мной, а над другими участниками спектакля. Но я, конечно же, не обиделась.

- Татьяна, не могу не спросить о вашем коллеге по "Покровским воротам" Олеге Меньшикове, который блистательно сыграл свою роль. Нынче Меньшиков стал обособленной единицей под театральным небосклоном. Все поют ему дифирамбы, награждают, его имя известно во многих странах. Его почти что вознесли на пьедестал гения. А тогда, в самом начале вашей общей карьеры, каким он виделся вам в дни съемок, в каждодневном рабочем ритме?

- Он был другим. Он только что выпустился из Щепкинского училища, и роль разбитного молодого остряка была одной из самых первых его ролей. Мы с ним одногруппники, но к тому времени я уже работала в театре, а он, по-моему, еще нет. В атмосфере общих порывов, интересной съемочной атмосферы, общения со знаменитыми актерами, участвовавшими в фильме, мы подружились и весело проводили свободное от съемок время. И только позже, когда мы начали с ним работать в Театре имени Ермоловой, я поняла, что он станет очень большим артистом. Как-то я сказала об этом моему мужу, тогда я была в первом браке, и я рада, что мое предположение оправдалось.

- По Меньшикову сохли поражениями его обаянием девочки, по вам, как я уже говорил, мужчины и юноши. А вы-то хоть раз сохли по какому-нибудь красавцу?

- Не раз, а три. Еще как сохла. В первый раз по Проскурину, когда мы с Театром Ленинского комсомола поехали на гастроли в Баку. Я страшно в него влюбилась, страшно. И дей-

ствительно по нему сохла. Я вела себя глупо, как ведут, наверное, все глупые влюбленные девушки: торчала у выхода из театра, ожидая реакции - взглянет на меня или нет? А он, такой-сякой, очень быстро меня бросил - три дня ему хватило, чтобы во мне разобрататься. Я страшно переживала, плакала, писала стихи.

Потом в институте у меня был роман со Стояновым, который нынче "Городок". Он был высоким, красивым, искусно фехтовал, хорошо одевался. На первом курсе мы вместе репетировали, и на почве этих репетиций у меня приключился роман. Мы делали какие-то идиотские этюды в духе нынешних латиноамериканских сериалов, а педагоги даже не стали их разбирать и оценивать, видно, слишком уж все виделось муторным. И я бросила Стоянова, потому что решила, что наш всамделишный роман мешает учебе. Что, кстати, так и было. Он долго страдал-страдал, а потом женился.

- Простите, а как это бывало у Догилевой: вы влюблялись, как я чувствую, по уши и готовы были, чтобы завладеть возлюбленным, на все. А все-таки, что предпочитали - писали стихи, распивали наедине бутылку шампанского или сразу отдавались? По вашей натуре вы способны совершать подвиги.

- Каждый раз все по-разному. Молодые романсы были окрашены желанием самих романов. По-видимому, это сидело во мне подсознательно, ибо я считала, что артистка должна уметь пить, курить, ходить по ресторанам, и у нее, конечно же, должны быть нескончаемые адюльтеры. И лучше несчастные.

- За всю актерскую биографию вы, кажется, ни разу не сыграли глубокой трагедийной или хотя бы драматической роли. Так что несчастная любовь не для вас.

- Вы не правы, я сыграла самую настоящую трагедийную роль - Электру в спектакле "Орестея" у Питера Штайна, я играла ее три года. И вроде бы получалось.

- А в каком жанре - трагедийном или комедийном - вам легче себя выразить?

- Знаете, комедии играть намного легче. Хотя говорят, что все жанры трудно воплощать, но я так не считаю. Потому что, как правило, люди приходят посмеяться, и, если актер, любой - талантливый, бездарный - воплощает комедийную роль, зритель хохочет. Ему хочется отдохнуть от напряга жизни, от черноты. Вот почему подключить зрителя к страданиям и заставить его хотя бы включиться в происходящее на сцене, это очень и очень непросто.

- Не хотелось спрашивать о вашем муже, драматурге Мишине, во всех ваших интервью журналисты о нем не забывают. А почему вы не сделали из него ручного домашнего автора, сценариста? А то ведь все на сторону пишет.

- Вы правы, в начале нашего брака, лет эдак тринадцать назад, меня питали такие надежды: Миша будет писать под Догилеву сценарии, а Догилева будет их воплощать на сцене или в кино. Но ничего путного из этого не вышло. Кроме самого первого опыта - ведь мы познакомились на съемках фильма "Вольный ветер", автором сценария которого был именно он, мой будущий муж.

- И вы его за творческие муки полюбили, а он вас за сострадание к ним? Чего вы нашли хорошего в вашем Мишине?

- Знаете, я люблю талантливых мужчин, а мой муж очень талантлив.

- Значит, безденежья вы не боитесь? Если вам не удастся заработать на жизнь, муж что-нибудь да принесет в дом?

- Как сказать? Бог меня миловал. У меня всегда была работа, и я всегда приносила деньги. Но нынче уверенности в завтрашнем дне у меня, увы, нет. Несмотря на соседство с талантливым продуктивным мужем.

- Чего вы еще не боитесь? Измены?

- Нет, не боюсь. Я легко смотрю на эти вещи.

- Каким-нибудь актерским парам завидуете: Табаков - Зудина, Державин - Бабаян, Гафт - Остроумова?

- Никому не завидую. Потому что счастливых пар не бывает. Брак - очень сложная вещь, в каждом свои тараканы. Абсолютно гармоничных браков, на мой взгляд, не существует. Может быть, прожив вместе полсотни лет, можно сказать: да, мы были счастливы. Но как прожить эти полсотни? Быт, каждодневное общение, общие или разные духовные интересы, прыжки в сторону - все это страшно. Поэтому завидовать нечему.

- Включая и свою собственную пару? 15 лет в браке это тоже немало.

- Да, мы, что называется, росли телами, мы часть жизни друг друга, мы вместе долго, но сказать, что все меж нами гладко, гармонично и каждый день приносит счастье, - было бы глупостью.

- Почему же все-таки поздневатый ребенок? Он появился, когда вам было за тридцать.

- Не хотела. Смотрела на подруг, у которых были дети, и это вызывало ужас. Я не понимала сути материнства - пищащие, кричащие, вечно болеющие дети. Я ведь не знала, что происходит взамен внутри естества женщины. Это внешняя сторона может выглядеть непривлекательной, но внутренне, психологически женщина-мать оживает, рождается заново - механизмы, заложенные природой.

- Может быть, и прав Евгений Евтушенко, у которого одно стихотворение начинается строкой "И в детях правды нет, которая когда-то заставила и меня, мужчину, задуматься о многом". Глядя на свою боготворимую Катеньку, вы так не скажете? Вы явно нынче на седьмом небе от счастья?

- Не скажу, что на седьмом. Растить ребенка - это не седьмое небо, это тяжелая обязанность, повинность, которая, конечно же, компенсируется высочайшей эмоциональной наполненностью. И те чувства, которые пробудила во мне моя дочь, наверное, самые сильные в моей жизни.

- Татьяна, вы останавливаете себя на мыслях о прошлом? Или не любите оглядываться назад?

- Конечно, я смотрю на себя в зеркало и понимаю, что жизнь не стоит на месте. Я человек действия и делаю для себя выводы. Один из них - если думать о прошлом, сойдешь с ума. И получше меня актрисы и старели, и сходили со сцены. Надо принимать жизнь такой, какая она есть. Бороться со временем бессмысленно. Лучший способ этой борьбы - не замечать годов.

- Вам идет эта прическа - копна полушепичных волос, короткая стрижка. Это ваш всегдашний имидж? У вас есть советчик, имиджмейкер?

- Нет, все решаю сама, ни с кем не консультируюсь. А то, что вы видите на голове, - самое для меня оптимальное.

- Простите, яркое пятно на запястье - несчастный случай?

- Нет, это родимое пятно.

- Родимое? Значит, Божья отметина. Не знаю, хорошо это или плохо. После одного известного деятеля с пятном на лбу всякое говорят.

- Я не придаю ему никакого значения.

- Любимая дочь вскормлена материнским молоком?

- Да, но мои старания и таланты по этой части были напрасны. У Катеньки лактозная непереносимость, и мое молоко ей было ни к чему.

Феликс Медведев,

фото из семейного архива